

18+ ПРОТОКОЛ ТИШИНЫ

Никита Лапицкий

Никита Лапицкий

Протокол тишины

«Издательские решения»

Лапицкий Н.

Протокол тишины / Н. Лапицкий — «Издательские решения»,

3391 год. Человечество давно вышло за пределы Земли и осваивает всё новые миры. На исследовательской станции «Ледяной покров» неожиданно пропадает группа специалистов. Связь с ними обрывается. Капитан Алексей Логинов отправляет команду на поиски. Но чем глубже его люди погружаются под лёд, тем меньше происходящее похоже на обычную аварию. А когда на станции начинают происходить новые события, становится ясно: главное здесь не то, что они успели обнаружить. Главное — что обнаружило их.

© Лапицкий Н.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Протокол тишины

Никита Лапицкий

© Никита Лапицкий, 2026

ISBN 978-5-0071-4469-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

3391 год.

Всемирный Союз Социалистических Республик.

Когда-то человечество едва выбиралось из пределов собственного мира. Теперь Земля стала центром цивилизации, раскинувшейся далеко за пределами одной планеты.

Много веков назад этот путь начался с одного государства. После Великой войны Советский Союз не только выстоял, но и вышел из неё победителем. Со временем одно за другим государства начали входить в состав СССР, принимая его политическую и экономическую систему.

Когда границы исчезли, а весь мир оказался объединён под одной властью, Советский Союз перестал быть союзом отдельных стран. Он стал Всемирным Союзом Социалистических Республик — единым государством, состоящим из республик Земли.

В последующие столетия Союз вышел за пределы родной планеты. Новые республики возникали на Луне, Марсе и других колонизированных мирах. Но название сохранилось. Теперь оно означало уже не отдельную часть человечества, а всё человечество целиком.

Континенты больше не были разделены океанами. Города уходили под воду, поднимались в небо и простирались на многие километры вдоль поверхности планеты. Гигантские мосты соединяли материки, подводные магистрали пересекали океанские впадины, а орбитальные станции опоясывали Землю целыми промышленными поясами.

Человечество научилось добывать энергию там, где раньше была лишь пустота. Научилось строить города среди вечного льда, прокладывать шахты под поверхностью чужих планет и отправлять корабли туда, куда ещё несколько столетий назад невозможно было даже посмотреть.

Старый мир не исчез.

Медь и сталь соседствовали с нейросетями. Паровые механизмы продолжали работать рядом с имплантами. Огромные заводы возвышались над городами, а в космосе вращались станции, больше некоторых земных мегаполисов.

Люди вышли за пределы Солнечной системы.

Они встречали другие цивилизации. Заключали союзы, теряли колонии, осваивали новые миры и снова двигались дальше.

За несколько веков человечество превратило космос из неизвестности в территорию, которую можно было исследовать, покорять и использовать.

Но чем дальше оно уходило от Земли, тем больше оставалось мест, куда ещё не ступала нога человека. Одним из них был Объект 0—13. Ледяная планета на окраине освоенного пространства. Мир, покрытый многокилометровой толщей льда, под которой скрывался океан и залежи редкой руды, способной поддерживать энергосистемы целых городов. Именно туда отправлялась новая экспедиция. Во главе её стоял капитан Алексей Логинов.

Глава 1

Экспедиция Группа-7. Батискаф «Паладин».

Холод струился по трубам обшивки. Где-то за титановым корпусом лениво гудели стабилизаторы глубины, рассекая плотную водную толщу. Внутри кабины батискафа «Паладин» инженер Воронцов сидел в кресле, положив локоть на панель, и сдержанно матерился сквозь зубы. Его левая рука — от запястья до плеча — была отсоединена. Механическая конечность лежала рядом на раскладной платформе, а из плечевого разъёма инженера торчали керамические крепления и тонкие паровые трубки.

Второй оператор связи, Рахимов, вдавливал гарнитуру в ухо, раз за разом повторяя в микрофон:

— Группа, приём... кто-нибудь на связи? Ответьте «Паладину».

Ответа не было уже двадцать минут. Только глухая статика.

Рахимов переключал каналы, крутил тумблеры частот, но эфир молчал. Тишину в кабине нарушало лишь ритмичное жужжание инструментов — Воронцов пытался установить сустав обратно.

Он неспешно вставил в плечевой разъём титановую шаровую ось, покрытую тёмно-серой керамикой. На нижнем сегменте блеснули крошечные латунные зубцы системы микроподстройки. Шарнир вошёл в гнездо с едва слышным щелчком. Воронцов нажал кнопку на нагруднике, и вакуумный механизм с шипением пара намертво зафиксировал посадочную зону.

Из клапана вырвался стонущий звук сброса давления. Инженер скривился, поправляя регулятор крутящего момента:

— Модель «КЛИН» просто отвратительна. Надо менять. Греемся, как батя говорил, буржуйка в ноябре.

Трое их товарищей — Новак, Келлерман и Аверин — вышли в подводную пещеру для установки световых маяков.

— Последний раз на связь выходила Елена, — глухо сказал Рахимов, бросив бессмысленные попытки настроить волну. — И всё. Как отрезало.

— Не нравится мне это, — пробормотал Воронцов, разминая механические пальцы. — Слишком тихо. Даже естественных радиопомех от грунта нет. Может, пора оповестить станцию?

Рахимов встал и подошёл к радару. Внезапно на тускло-зелёном экране вспыхнула одинокая точка.

— Есть контакт! — выдохнул он с облегчением. — Возвращается. Сигнатура Аверина. Живой!

— А где остальные?

— Сейчас узнаем. — Рахимов активировал внешний динамик. — Аверин, ты нас слышишь? Мы тебя видим.

В ответ — лишь тяжёлое, искажённое водой дыхание через микрофон скафандра.

Силуэт Аверина вынырнул из мутной воды в слепящий луч прожектора. Он подплыл к внешнему люку шлюзовой камеры, двигаясь как-то неестественно, дёргано. Его голова была чуть наклонена, будто он прислушивался к чему-то невидимому. Металлические пальцы скафандра вцепились в поручень.

— Начинаю цикл шлюзования, — сказал Воронцов, активируя насосы.

За бортом загудело. Внешний люк впустил Аверина в тесную камеру, вода быстро откачалась, и внутренняя гермодверь с шипением отъехала в сторону.

Аверин шагнул в кабину. С его гидрокостюма стекала ледяная вода. Шлем был покрыт сетью микротрещин и сильно запотел изнутри. Он стоял молча, не опуская рук, затем заторможенно, словно через силу, потянулся к фиксаторам и стянул шлем.

Воронцов замер, привстав с кресла.

Лицо товарища было искажено до неузнаваемости. Кожа на шее натянулась, став пугающе тонкой. Глаза были распахнуты так широко, будто их удерживали изнутри невидимые крючья. Губы дрожали в лихорадочном спазме.

— Я... не... хотел... — прохрипел Аверин, роняя изо рта густую слюну, смешанную с тёмной кровью. — Оно... внутри.

— Что?.. Какое еще... — начал Рахимов, делая шаг навстречу.

Аверин бросился вперёд. Молча. Нечеловечески быстро. В один прыжок он сократил дистанцию, сорвал со своей груди массивный металлический тактический фонарь и с размаху всадил его в лицо Рахимову.

Удар смял нос. Второй пришёлся в висок — раздался мокрый, чавкающий звук пробитой кости. Третий удар был уже не нужен, но Аверин нанёс его всё равно, вбивая товарища в палубу.

Рахимов осел на пол, завалившись на бок. Его глаза остекленели, изо рта вырвался последний хриплый выдох, и всё стихло.

Убийца застыл над ним. Его трясло. Окровавленный фонарь всё ещё был зажат в пальцах. Губы задрожали, и на мгновение к нему вернулся осмысленный взгляд.

— Помогите... Я не контролирую это! — закричал Аверин своим настоящим голосом, полным первобытного ужаса.

Но крик оборвался на высокой ноте. Будто кто-то перерезал невидимый провод внутри его мозга. Тело Аверина резко выпрямилось, позвоночник хрустнул, выгибаясь назад. Взгляд снова заволокло белёсой мутью. Абсолютная, пугающая тишина сменила человеческую истерику.

Воронцов стоял у панели, парализованный шоком. Его мозг отказывался обрабатывать увиденное. Существо, которое только что было Авериным, механически повернуло к нему голову. И без единого звука, целенаправленно, словно программа получила новую команду, двинулось на инженера.

Воронцов очнулся. С криком он бросился навстречу, пытаясь ударить здоровым плечом в грудь твари, чтобы сбить её с ног. Но Аверин невыносимым, змеиным изгибом ушёл от атаки. Удар инженера провалился в пустоту.

На долю секунды лицо монстра снова исказилось мукой.

— Уходи... Быстро... Убей меня... — булькающий хрип сквозь стиснутые зубы. Что-то клокочущее внутри глотки мешало ему говорить.

Это были последние человеческие слова.

В следующую секунду Аверин метнулся вперёд и вцепился прямо в механическое плечо Воронцова. Пальцы мутанта проникли внутрь работающих шестерён стыковочного механизма. Заскрежетал металл. Кожа на руках Аверина рвалась, кровь заливала приводы, но он не издал ни звука, даже не поморщился.

Второй рукой он упёрся в грудь инженера и с чудовищным рывком дернул титановую руку на себя.

Раздался оглушительный треск сорванных замков и рвущихся жил. Воронцов закричал от невыносимой боли — имплант вырвало с корнем вместе с ключицей. Кровь и обжигающий пар из повреждённой капсулы хлынули на пол.

Инженер рухнул, отчаянно зажимая зияющую рану, пытаясь отползти. Он рычал от боли, но подняв глаза, увидел то, что заставило его кровь заледенеть.

Аверин занёс над ним его же собственную оторванную титановую руку. Металл с обнажёнными проводами блеснул в аварийном свете.

— Не я... — донёсся чужой, утробный рык.

Тяжёлый имплант обрушился на голову Воронцова с глухим стуком. Раз. Ещё раз. И ещё.

Пока крики не оборвались навсегда.

В залитой кровью кабине остался только шум вентиляции и влажное, пульсирующее дыхание. Дыхание, которое теперь принадлежало не человеку, а тому, что завладело его телом.

Глава 2

Кабинет Гегарда Бертранда находился в глубине административного сектора «Краснозора», за большой герметичной дверью и длинным коридором, где стены терялись в полумраке. Здесь не было ни панорамных экранов, ни декоративных панелей, ни привычной для станции роскоши. Только тёмный металл, матовое стекло и узкие полосы белого света под потолком. За широким столом сидел сам Берtrand. Гегарду было сто семнадцать лет, и его возраст выдавался не столько чертами лица, сколько той неподвижной, тяжёлой сосредоточенностью, которая годами въедается в человека, привыкшего отвечать за чужие жизни. Он был худощавым, жилистым мужчиной. В его фигуре не было ни массивности, ни показной силы — лишь сдержанная крепость человека. Голова Бертранда была полностью лишена волос. Кожа на черепе туго натягивалась над высокими скулами и резко очерченными костями лица. На затылке, уходя от основания черепа вверх, тянулся широкий старый шрам. Глаза у Бертранда были глубоко посажены. Холодная серая радужка почти не отражала света, отчего взгляд казался тусклым и при этом неприятно внимательным. Густая седая борода покрывала нижнюю часть лица. На нём была строгая форменная одежда Главного управления экспедиционных операций ВССР, выполненная в чёрно-красной гамме. Под кителем он носил бордовую форменную рубашку, сшитую точно по фигуре. Поверх рубашки сидел форменный китель из плотной чёрной ткани с матовой поверхностью. Его крой был строгим и вытянутым, без лишних элементов, а глубокие красные вставки проходили по линии воротника, внутренней части лацканов и краям рукавов. На груди располагался знак начальника Главного управления экспедиционных операций. Это была небольшая металлическая эмблема квадратной формы с чёткими углами, покрытая чёрным матовым составом, который почти полностью поглощал свет. В центре знака находилось изображение корабля, выполненное из тёмно-красного металла. Широкие чёрные брюки свободно спадали от пояса и почти полностью скрывали обувь. На ногах Берtrand носил высокие чёрные форменные сапоги. Кожа была идеально вычищена и отполирована до блеска. Берtrand выглядел человеком, чьё присутствие не требовало ни повышения голоса, ни лишних жестов: одного взгляда и знака на груди было достаточно, чтобы понять, какое место он занимает в системе ВССР.

На стене за его спиной висела металлическая эмблема ВССР. Под ней светила тонкая надпись:

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ

Напротив стола стоял Алексей Логинов. Он молчал, глядя на закрытый информационный планшет, который Берtrand только что положил перед ним.

— Это и есть причина, по которой вы вызвали меня сюда? — наконец спросил капитан.

— Да.

Логинов не спешил брать планшет.

— Я только неделю как вернулся со своей командой с экспедиции.

— Знаю.

Берtrand поднялся из-за стола и подошёл к прозрачной стене. За ней медленно проходили грузовые платформы, вспыхивали сигнальные огни, по переходам двигались рабочие. Огромная станция продолжала жить своим размеренным ритмом.

— Я знаю что вы просили двадцать дней на восстановление экипажа, — сказал он. — Ваш запрос был утверждён.

Логинов чуть прищурился.

— Тогда почему я здесь?

Берtrand несколько секунд смотрел в пространство за стеклом.

— Потому что обстоятельства изменились.

Он повернулся.

— Два часа назад Центральный ресурсный комитет подтвердил критический дефицит красного амарцента на «Синей Колыбели».

Логинов нахмурился.

— Насколько критический?

— Настолько, что обычного перераспределения запасов недостаточно. Существующих резервов хватит ненадолго. Доставка с ближайших добывающих объектов займёт слишком много времени.

Берtrand коснулся панели.

В воздухе между ними возникла голографическая синяя схема планетарной системы. Несколько точек вспыхнули одна за другой.

— Единственное подтверждённое месторождение, пригодное для срочной разработки, находится здесь.

Одна из точек увеличилась. Звездная система *ОКТАРИЯ*, планета *ОБЪЕКТ 0—13*. Под названием появилась ещё одна строка: Станция *ЛЕДЯНОЙ ПОКРОВ*. Логинов подошёл ближе.

— Мы ничего не знаем об этом месте.

— Есть информация о планете, но крайне мало.

— И что же там?

— Поверхностное сканирование выполнено частично, на сколько это было возможно. Глубинные слои не исследованы. Атмосфера пригодна для кратковременной работы в защитном снаряжении. Температура ниже допустимого уровня для стандартных колоний. Берtrand увеличил изображение. Перед ними возникла карта огромного белого пространства. Ни городов, ни материков, ни следов привычной цивилизации. Только бесконечный лёд.

— Вода, — произнёс Логинов.

— Целая планета воды, — ответил Берtrand. — Замерзший океан на поверхности. Что происходит под ледяным покровом, мы не знаем. Логинов несколько секунд молча смотрел на карту.

— Тогда зачем там станция?

— Её построили как рабочую и исследовательскую базу. Несколько месяцев назад туда прибыли специалисты. Они должны были проложить безопасные маршруты для глубоководных аппаратов и подготовить оборудование к промышленной разведке.

— А почему не сделали этого до сих пор?

— Прокладкой маршрута сейчас занимаются, на сколько это возможно, людей там не много.

— Что-то еще есть?

— Больше ничего. Этой планетой не собирались заниматься вовсе. В этой системе звезда угасает, поэтому мы думали покинуть ее, но в последний момент мы обнаружили на ней амарцент.

— Лететь на неизведанную планету, да еще и где звезда угасает, звучит достаточно опасно.

— Я потому и вызвал вас лично, — спокойно ответил Берtrand.

Он убрал изображение планеты и посмотрел капитану прямо в глаза.

— Часть оборудования пришлось демонтировать. Связь с глубинными зонами нестабильна. Станция продолжает работать, но полноценного маршрута для батискафа там до сих пор нет.

— И вы хотите отправить туда мою команду.

— Да.

Логинов наконец взял планшет, но даже не включил его.

— Почему именно я?

Бертранд ответил не сразу.

— Потому что вы уже работали в условиях, где связь с базой ограничена. Потому что ваша команда умеет действовать автономно. И потому что мне нужен человек, который не станет ждать указаний, если ситуация выйдет из-под контроля.

Логинов выдохнул.

— Мы вернулись меньше недели назад.

— Я знаю.

— Люди ещё даже не успели нормально прийти в себя. Мы должны были получить отпуск.

— Я знаю, Алексей.

— Вы получите 40 дней по возвращению, я обещаю.

В голосе Бертранда впервые появилась усталость.

— Поверьте, я не стал бы забирать вас с отдыха ради обычной разведывательной операции.

Логинов посмотрел на него внимательно.

— Что-то ещё?

— Да.

Бертранд вернулся к столу.

— Если мы не начнём добычу в ближайшее время, Синяя Колыбель остановит часть производственных комплексов. Это ударит не только по одной колонии. Амарцент используется в энергетической промышленности и в производстве некоторых компонентов для флота. А самое главное, для активации порталов, которые очень важны для дальнейших экспедиций. Запасов на центральных складах недостаточно, чтобы закрыть дефицит. Бертранд снова посмотрел на карту Объекта 0—13.

— Именно поэтому нужен не обычный экипаж.

В кабинете повисла тишина. За стеной прошёл грузовой состав, и его далёкая вибрация едва ощутимо отдалась под ногами.

— Сколько времени на подготовку?

Бертранд едва заметно кивнул, словно именно этого ответа и ждал.

— Тридцать шесть часов. Отправление ночью.

Логинов задержался у двери.

— Если там что-то пойдёт не так, я буду принимать решения сам.

— Именно для этого вы туда и летите.

Капитан кивнул и вышел.

Дверь с тяжёлым пневматическим шипением закрылась за спиной капитана Алексея Логинова.

Свет в транзитном коридоре отдавал густым янтарём. На этой планете — старой, давно колонизированной шахтёрской базе «Краснозор» всё освещение специально смещали в тёплый спектр, подражая солнечным лампам Земли, чтобы людям легче дышалось среди бесконечной стали и бетона. Но родиной этот мир так никому и не стал.

Логинов шёл по прохладному переходу чеканя шаг. Пол под ногами едва заметно вибрировал — где-то внизу, в недрах станции, шли непрерывные погрузки, и комплекс дышал через тысячи пульсирующих кабелей. Капитан был человеком, которого, казалось, ничто не способно сдвинуть с места против его воли. Ростом чуть выше среднего, с широкими плечами и плотно сбитой фигурой. Густые, но уже полностью седые волосы были аккуратно зачёсаны направо, а щетину на волевом подбородке он носил скорее по привычке, чем от небрежности.

В эпоху, когда медицина позволяла людям разменивать третье столетие, Логинов выглядел именно на свой внутренний возраст — тот, что измеряется не годами, а пережитыми потерями. Но его глаза, ядовито-зелёные, напоминавшие тёплый мох под водой, смотрели на мир

цепко и проницательно. Плотный чёрный форменный плащ с высоким воротом и бронзовыми застёжками сидел на нём не как одежда, а как доспех.

На ходу капитан достал из кармана «Гайку-С» — шестигранный коммуникатор с вдавленным кругом в центре. Щёлкнул фиксатором, повернул ребристый винт, и над ладонью вспыхнуло голубоватое голографическое окно.

СОЕДИНЕНИЕ... ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК: Лаурент Э.

Пошли короткие гудки.

— Слушаю, товарищ капитан, — раздался чёткий голос без малейших помех.

— Приказ утверждён, Эмир. Нас отправляют на «Объект 0—13». Точка сбора — орбитальная платформа «Сатис».

— Принял. Какие у нас сроки?

— На подготовку тридцать шесть часов. Вылет в ночь.

Логинов на секунду остановился у медной таблички с выгравированной надписью «Главный корпус. Выход 4А», пропуская спешащего мимо инженера с тележкой запчастей.

— Что нужно подготовить, капитан? — уточнил Эмир.

— Нужна команда полным составом. И лучший глубоководный аппарат, что у нас есть. Готовьте «Шторм», — голос Логинова стал жёстче. — Загрузи всё для автономной подводной разведки. Сейсмо-буи, термические заряды для бурения льда, микро-дроны. И герметичные капсулы, если придётся сбрасывать оборудование на дно.

Он тяжело выдохнул и добавил:

— Мы идём в абсолютную слепую зону, Эмир. Учитывай всё: колоссальное давление, минусовые температуры, темноту и перебои со связью. Это не открытый космос, мы не знаем, что ждёт нас под этим льдом.

— Принято, — совершенно спокойно ответил помощник. — Всё будет готово к вылету. Конец связи.

Внутри исполинского сборочного зала стояла почти торжественная тишина, нарушаемая лишь гулом силовых узлов под полом. Капитан подошёл к смотровой панели. За его спиной, на погрузочном мостике, с точностью до сантиметра выстроилась вся его команда.

Навстречу шагнул Эмир Лаурент. Суровое, худое лицо с острыми скулами, будто вырубленными из камня, русые волосы с лёгкой залысиной. Его чёрные глаза смотрели прямо, выражая абсолютную личную твёрдость. Ростом он уступал капитану, но компенсировал это литой, мускулистой фигурой человека, привыкшего решать проблемы физически.

На пятидесятипятiletнем старпоме был безупречный двубортный китель из армированной ткани. На груди сияла массивная металлическая нашивка «ВССР», залитая красной эмалью, а под ней — Звезда Героя Космического Флота. Левую сторону его торса и руку оплетал латунно-бронзовый экзоскелетный модуль — силовой узел, интегрированный напрямую в мускулатуру, многократно увеличивающий силу и точность движений. Пояс мягко светился неоновым синим контуром, скрывая кобуру с личным оружием. Эмир любил свою форму, носил её с гордостью, и по одному его виду становилось ясно: этот человек заслонит капитана первым.

— Товарищ капитан, экипаж в сборе. Все готовы к посадке. Разрешите доложить, — отрапортовал Лаурент, и его экзоскелет едва слышно щёлкнул сервоприводами.

— Докладывайте, — кивнул Логинов.

Пока Эмир зачитывал списки, капитан сам скользил взглядом по лицам подчинённых. Главный инженер стоял, упрямо сжав губы. Врач Грета Каримова смотрела спокойно, заложив руки за спину. Научная группа нервно переминалась с ноги на ногу. А сбоку, подобно каменным изваяниям, возвышались бойцы штурмового подразделения СПАРК под командованием

огромного Кристофа Шнайдера — готовые по первому слову шагнуть хоть в ад. Экипаж работал как идеальный механизм, где каждый был на своём месте.

Эмир закончил официальную часть и понизил голос:

— Лёш, батискаф уже закреплён в стыковочном отсеке крейсера. Грузы на борту. Боевые костюмы «Буревик» для штурмотряда проверены. Экипаж проинструктирован.

Логинов ещё раз посмотрел на своих людей. Кто-то выглядел уставшим после прошлых миссий, кто-то был предельно сосредоточен. Но сомнений не было ни у кого.

— Всё проверено? — негромко, но чётко спросил капитан.

— Так точно.

— Тогда на борт. Время выходить в путь.

Крейсер «Гроза Безмолвия» плавно приближался к орбитальной станции «Сатис». Через панорамный экран капитанского мостика открывался величественный вид: исполинская конструкция нависала в пустоте, словно костяной венец из бронзы и чёрного стекла, окружённая радиальными кольцами, по которым муравьями ползали грузовые челноки. Под днищем станции грозно мерцали гравитационные антенны.

Логинов стоял у командного поста. Сбоку загорелся синий индикатор связи. Он нажал клавишу.

— Это «Гроза Безмолвия». Запрашиваем разрешение на транзит.

Голос диспетчера прозвучал с лёгким металлическим искажением, напоминая передачи из старых радиорубок двадцатого века:

— Принято, «Гроза Безмолвия». Добро пожаловать на «Сатис». Переход через разлом в систему «Октария» назначен через восемь минут.

— Подтверждаю.

— Приготовьтесь пройти стабилизационную арку.

На внешних мониторах появилось изображение трёх циклопических конструкций — порталных рам, зависших прямо по курсу корабля. Каждая из них представляла собой прямоугольный каркас, внутри которого бешено вращался круговой обод с десятками гироскопических колец и раскалённых гравипроводов. Это были разломные концентраторы — установки, способные прокалывать ткань пространства и открывать врата к другим звёздам.

Когда крейсер вошёл в зону магнитной привязки, вой двигателей на борту стих.

— Визуализация портала, — скомандовал Эмир.

Защитные фильтры на стёклах потемнели. Пространство внутри порталных колец напряжённо сжалось, и в следующую секунду по вакууму прошла трещина, словно по стеклу, уходящая не наружу, а внутрь пустоты. Она стремительно расширилась, превратившись в гладкую, пульсирующую плёнку тёмно-фиолетового цвета с ядовито-зелёными сполохами.

Логинов смотрел в центр разлома, не моргая.

— Вперёд, — его голос прозвучал твёрдо. — Активировать «Вихрь».

По палубам корабля прокатился мягкий гул инерционных компенсаторов. Нос крейсера коснулся фиолетовой плёнки и начал медленно втягиваться внутрь.

Вместо резкого, разрывающего прыжка, технологии ВССР использовали гибко-фазовую систему перехода. Снаружи казалось, будто металлическая обшивка корабля растворяется в светящейся жидкости, слой за слоем уходя в другое измерение. Изнутри переход ощущался лишь как нарастающее давление в висках и звенящая тишина.

Когда гигантский корпус «Грозы Безмолвия» полностью исчез в фиолетовой массе, кольца замедлили вращение. Через секунду арка схлопнулась, и космос снова стал пустым и безразличным. Путь к Объекту 0—13 начался.

Глава 3

Крейсер «Гроза Безмолвия» пробил плотные слои атмосферы планеты «Объект 0—13». За толстым бронестеклом иллюминаторов простирались мёртвые ледяные пустоши и абсолютная чернота подлёдного океана, едва различимая сквозь многокилометровый замёрзший панцирь. Из серого марева снежной бури постепенно вынырнула станция «Ледяной покров» — огромный купол с укреплёнными техническими отсеками и тяжёлыми титановыми опорами, уходящими в Бездну.

Как только крейсер коснулся посадочной платформы, шлюзы станции тягуче, со скрипом промерзшего металла, раскрылись. В транзитной зоне команду Логинова встретили несколько человек в тяжёлых термокомбинезонах. На их лицах застыла серая усталость, кожа была болезненно бледной, а взгляды — тусклыми, как у людей, давно забывших, как выглядит настоящий солнечный свет.

— Добро пожаловать на «Ледяной покров», — произнёс старший из встречающих, мужчина с впалыми щеками и нервным тиком под левым глазом. — Старший инженер Михаил Беккер. В данный момент я исполняю обязанности начальника станции.

— Алексей Логинов. Капитан. — Он крепко пожал протянутую руку, отметив, что ладонь инженера влажная и холодная. — Рад знакомству.

Беккер коротко кивнул, бросив затравленный взгляд на вооружённых бойцов СПАРК позади капитана:

— Пойдёмте внутрь. Холод здесь пробирает до самых костей.

Они миновали дезинфекционный шлюз и вышли в центральный коридор. Тусклое освещение ламп придавало металлическим стенам болезненный желтоватый оттенок. Воздух казался спёртым, пропитанным запахом озона и застоявшейся воды. Команду проводили в просторный, но аскетичный командный отсек с гудящими серверами и тактическим проектором в центре.

Размяв руки, Логинов стянул тактические перчатки и бросил их на стол:

— Докладывайте. Как у вас обстановка?

— Напряжённая, — ответил Беккер, тяжело опускаясь в кресло за ближайшим терминалом. — Люди на пределе. Условия добычи здесь адские, а смена прибудет только через три месяца. Завтра ваше подразделение сможет приступить к разведке новых залежей. Наша бригада поможет подготовить оборудование...

Он замолчал. Логинов прищурился, уловив в голосе инженера фальшь.

— Но? — ледяным тоном спросил капитан.

Беккер опустил взгляд на свои сцепленные пальцы:

— У нас ЧП, капитан. Пятеро наших сотрудников ушли в подлёдную пещеру устанавливать навигационные маяки. Они должны были выйти на связь ещё двое суток назад.

Логинов выпрямился. Его лицо превратилось в каменную маску, и только пальцы правой руки едва заметно отбили короткий ритм по столешнице — верный признак того, что мозг капитана уже просчитывает наихудшие сценарии.

— Двое суток, — медленно повторил Логинов. — Почему не отправили спасательную группу? И почему не доложили на «Сатис» немедленно?

— Основной батискаф вышел из строя, полетела ходовая часть, — торопливо начал оправдываться Беккер. — А резервный аппарат слишком лёгкий, он не выдержит давления в тех глубинах. Если бы я объявил «красный код» на орбиту, нас бы закрыли на полный карантин, заморозив поставки провизии и кислорода. Я надеялся, что они просто потеряли связь... Мы пытались починить основной батискаф своими силами, чтобы...

— Чтобы скрыть свою халатность, — жёстко перебил его Логинов. — В условиях слепой зоны каждый час на счету, а вы потратили сорок восемь. Скидывайте координаты их маршрута. Живо.

Беккер с явным облегчением, смешанным со страхом, активировал передачу данных на планшет капитана:

— Спасибо. Мы надеемся, что они застряли и ждут помощи.

Логинов ничего не ответил. Он бегло изучил схему маршрута, развернулся на каблуках и бросил своей команде:

— Подготовить «Шторм». Срочно. Выступаем, как только завершим калибровку систем.

Через полчаса Логинов собрал в брифинговом отсеке четырёх человек. Разведчик Николай Галимов, медик Грета Каримова, ксенобиолог Виктор Ковальчук и пилот-инженер Тимур Комаров стояли у тактического стола, ожидая приказов. За их спинами станция потихоньку оживала: технические бригады с лязгом и шумом автоматических инструментов готовили батискаф к глубоководному погружению.

Капитан активировал планшет, и над столом вспыхнула трёхмерная голограмма пещерных ходов. Тонкие синие линии тянулись вглубь ледяного массива, резко обрываясь в одном из тёмных ответвлений.

— Маршрут пролегает по ветви «Волчий клык», — Логинов провёл пальцем по неровной дуге. — Маячная цепь там не завершена, сенсоры не подключены. По сканерам станции мы не сможем отследить вас. Вы идёте в абсолютную слепую зону.

Он перевёл взгляд на пилота:

— Тимур. Держишь курс строго по вектору, без самостоятельности. Любое ответвление или изменение глубины — только по моей прямой команде.

Затем капитан посмотрел на биолога:

— Ковальчук. Мы не знаем, какую флору или фауну скрывает эта планета. Если там под льдом есть нечто живое — ты первый, кто должен это зафиксировать и понять, с чем мы имеем дело.

Он нажал кнопку на интеркоме:

— Эмир. Ты остаёшься на станции. Проконтролируй ремонт их основного батискафа. Выжми из местных техников всё, но чтобы аппарат был на ходу. Он может понадобиться нам как резерв.

— Есть, товарищ капитан, — раздался в динамике чёткий голос старпома.

Логинов вновь посмотрел на голограмму, выискивая потенциальные аномалии: зоны нестабильного давления, подводные разломы или термальные выбросы. Всё выглядело обманчиво спокойно.

Наконец, он повернулся к бойцу СПАРК:

— Галимов. Надевай штурмовой костюм «Буревик». Бери кинетическую винтовку «Игла». Мы много повидали тварей в космосе, и этот ледяной шар вряд ли станет исключением. Будьте готовы ко всему.

— Принято, товарищ капитан, — уверенно, без единого колебания ответил Николай.

Николай Галимов был из тех людей, кто внушал уважение и трепет одним своим присутствием. Под два метра ростом, с телосложением закалённого гладиатора и пугающей, почти кошачьей пластичностью хищника. На шее виднелся старый шрам, тянущийся от ключицы к челюсти — молчаливое напоминание о прошлых стычках в глубоком космосе. Жёсткое, угловатое лицо, короткая армейская стрижка и внимательные, по-волчьи холодные серые глаза. Галимов редко открывал рот, но если говорил — слушали все. Он был лучшим разведчиком экспедиционного корпуса. Специалист по скрытному передвижению, выживанию и молниеносному тактическому анализу. На учениях Николай мог за считанные секунды просчитать геометрию любого ландшафта, организовать идеальную засаду — и исчезнуть без следа.

Но сейчас прятаться было негде. Их путь лежал во тьму, где вода сжимает сталь, а тишина сводит с ума. И Галимов это прекрасно понимал.

Глава 4

«Шторм» покоился в доке, словно угрюмый стальной левиафан, затаившийся перед броском в бездну. Его матовая, тёмно-серая обшивка, покрытая радиопоглощающим составом, напоминала шкуру глубоководного хищника. Вдоль корпуса тянулись массивные броневые рёбра, скрывающие под собой балластные цистерны, кабели высокого давления и дуги электромагнитной изоляции. Этот батискаф был значительно крупнее стандартных исследовательских аппаратов: спроектированный на десять человек, он предназначался для эвакуационных и спасательных миссий в условиях экстремального риска.

«Шторм» не просто нырял во тьму — он был создан, чтобы диктовать ей свои условия. В его обшивку была интегрирована система активной защиты: при приближении угрозы конденсаторы могли выдать мощный электромагнитный импульс, сжигающий нервную систему любого морского хищника. Боковые гидравлические манипуляторы с адаптивными захватами могли с ювелирной точностью поднять хрупкий образец грунта или с лёгкостью раздавить ледяную глыбу.

На носу, защищённые титановыми решётками, располагались мощные галогеновые прожекторы и сонары глубинного сканирования, позволяющие строить 3D-модель окружения в абсолютной темноте. Внутреннее пространство делилось на герметичные отсеки. Помимо капитанского мостика и шлюзовой камеры, здесь находилась автономная реанимационная станция. Экипаж безмерно доверял «Шторму». Там, где другие аппараты сплющивало давлением, этот продолжал путь.

Внутри кабины царил тяжёлый, гулкий полумрак. Панели приборов мягко подсвечивались аварийным янтарным светом — корабль находился в режиме предстартового ожидания. Инженер Тимур Комаров молча проверял жгуты кабелей, закреплял аварийные контейнеры и вбивал координаты в навигационный блок. Слева от него Грета Каримова методично фиксировала портативную аптечку и ампулы с регенераторами в нишах медблока. Ковальчук, нахмурившись, калибровал сенсорный модуль и пристёгивал герметичные контейнеры для биологических образцов.

— Давление в балластных системах в норме, — пробурчал Комаров, не отрываясь от монитора. — Расчётное время транзита до последней точки сигнала — тридцать две минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.